

Сергей Федорович Платонов.
Полный курс лекций по русской истории

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Смута в Московском государстве.

Третий период смуты: попытка восстановления порядка

Москва лишилась правительства в такую минуту, когда крепкая и деятельная власть была ей очень необходима. Враги подходили к стенам самой Москвы, владели западным рубежом государства, занимали города в центральных и южных областях страны. С этими врагами необходимо было бороться не только за целостность государственной территории, но и за независимость самого государства, потому что их успехи угрожали ему полным завоеванием. Нужно было скорее восстановить правительство; это была такая очевидная истина, против которой никто не спорил в Московском государстве. Но большое разногласие вызвал вопрос о том, как восстановить власть и кого к ней призвать. Разные круги общества имели на это разные взгляды и высказывали разные желания. От слов они переходили к действию и возбуждали или открытое народное движение, или тайную кружковую интригу. Ряд таких явных и скрытых попыток овладеть властью и создать правительство составляет главное содержание последнего периода смуты и подлежит теперь нашему изучению.

Среди многих попыток этого рода три в особенности останавливают внимание. В первую минуту после свержения Шуйского московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитой и поэтому призвало на московский престол королевича Владислава. Когда власть Владислава выродилась в военную диктатуру Сигизмунда, московские люди пытались создать национальное правительство в лагере Ляпунова. Когда же и это правительство извратилось и, потеряв общеземский характер, стало казачьим – последовала новая, уже третья попытка создания земской власти в ополчении князя Пожарского. Этой земской власти удалось наконец превратиться в действительную государственную власть и восстановить государственный порядок.

Избрание Владислава.

Шуйского москвичи удалили, не имея никого в виду, кем бы могли его заместить, и положение Москвы, очень трудное в ту минуту, осложнилось от этого еще более. Присягнули временно Боярской думе, ибо помимо ее некому было присягнуть. Но это новое правительство имело так же мало сил и средств, как и Шуйский. А около Москвы стояли по-прежнему два врага, и по-прежнему «Московскому государству с обеих сторон было тесно». Сперва Москва полагала, что ей возможно будет избрать царя правильным выбором, «согласившись с всеми городами, всю землю». Но правильного выбора невозможно было устроить, потому что для созвания собора надо было время, а враги – поляки и вору – не

стали бы ждать этого собора и завладели бы бессильной Москвой. Было невозможно выбрать того, кого захотелось бы выбрать, а надо было выбрать одного из двух врагов претендентов: Владислава или Вора, иначе Москва погибла бы непременно. Находясь перед такой дилеммой, москвичи не знали, что делать, и рознь появилась между ними. У разных общественных слоев ясно проявились в этом деле разные вкусы. Патриарх и духовенство хотели русского царя; но Гермоген указывал на молодого Михаила Федоровича Романова, а прочие духовные более других хотели князя Василия Васильевича Голицына. Мелкий московский люд, служилый и тяглый, как и патриарх, стояли за Романова; знать желала Владислава, отчасти потому, что не хотела пустить на престол боярина, помня неудачные в разных отношениях опыты бояр-царей Бориса и Шуйского, отчасти потому, что ожидала от Владислава льгот и милостей, а главное всего потому, что привыкшая уже к переворотам московская чернь не скрывала своих симпатий к Вору, который был врагом московского общественного порядка вообще и боярства в частности. Торжество Вора было бы горше для боярства не в одном только политическом отношении, – поэтому оно и боялось больше всего переворота в его пользу, а произвести такой переворот в ту минуту чернь была в состоянии.

Во избежание такой развязки, не имея возможности обдумать хорошо вопрос об избрании царя, бояре, пользуясь властью, торопят Жолкевского из Можайска к Москве, и он идет «освободить Москву от Вора», как сам выражается. Таким поступком бояре передали Москву в руки поляков и предрешили вопрос об избрании Владислава. Подойдя к Москве, Жолкевский прежде всего начинает дело об избрании Владислава в цари, потому что иначе в его глазах помогать Москве не имело смысла. Страх перед самозванцем и польской военной силой заставил московские власти, а за ними и население склониться на избрание в цари поляка: 27 августа Москва присягнула Владиславу.

Этой присяге, впрочем, предшествовали долгие переговоры. В основу их был положен знакомый нам договор 4 февраля. В него бояре внесли некоторые изменения: они решительно настаивали на том, что Владислав должен принять православие и (что очень интересно) вычеркнули статьи о свободе выезда за границу для науки, а также статьи о повышении меньших людей. Тотчас же по заключении договора и принесении присяги Жолкевский прогнал Вора от Москвы, и Вор убежал опять в Калугу. Таким образом Москва избавилась от одного врага ценой подчинения другому.

Договор об избрании Владислава был отправлен на утверждение Сигизмунду с «великим посольством», в состав которого вошло более тысячи человек. Во главе посольства стояли митрополит Филарет и князь В. В. Голицын. Оба они были представителями знатнейших московских родов, таких, которые могли выступить соперниками Владислава. Удаление их из Москвы приписывается необыкновенной ловкости Жолкевского, и это более чем вероятно. Жолкевский был очень умный человек и горячий патриот. Являсь в Москву, он быстро ознакомился с настроением московского общества (в его записках мы находим любопытнейшие заметки о Москве 1610 года), умел воспользоваться всем, что могло служить к пользе Владислава и Польши. Зная, что Москва выбирает Владислава царем не совсем охотно, видя, что у народа есть свои излюбленные кандидаты – Голицын и сын Филарета, – чувствуя, что при перемене обстоятельств дело Владислава может

повернуться в пользу этих кандидатов, Жолкевский успевает удалить из Москвы опасных для Владислава лиц. В то же время он, прогнав Вора, пользуется страхом его имени и ставит дело так, что бояре допускают, даже сами просят его занять Москву польским гарнизоном во избежание бунта в пользу Вора. И вот маленькое войско Жолкевского, которое подвергалось опасности быть истребленным, стоя под Москвой, в открытом поле, становится большой силой в стенах московских крепостей. Устроив так блестяще дела Владислава в Москве, Жолкевский сдает команду одному из своих подчиненных, Гонсевскому и, уезжая из Москвы, увозит с собой, по приказу Сигизмунда, Василия Шуйского с братьями. Чем объяснить такой отъезд Жолкевского? Поведением Сигизмунда.

Этот король, не совсем твердо носивший корону в Польше, имел еще претензии на престолы шведский и московский. Прикрываясь именем сына, он сам хотел стать московским царем. Жолкевский, еще до заключения договора с Москвой, получал королевские инструкции – действовать так, чтобы заменить для Москвы Владислава Сигизмундом. Но талантливый гетман, понимая всю невозможность желаний короля, не решался заговорить с русскими о присяге на имя Сигизмунда; он видел, как ненавистен москвичам король, притеснитель православных, добившийся унии в 1596 г. Однако чем дальше шло время, тем труднее становилось Жолкевскому скрывать от русских цели Сигизмунда, а Сигизмунд все определеннее и определеннее их высказывал. Присягой Владиславу Москва упростила свое положение, нашла себе выход из затруднений, доставила Сигизмунду и полякам важную победу. Дело, казалось, шло к развязке, а Сигизмунд своими личными стремлениями его запутывал, давал завязку новой драме. Стоило Жолкевскому вскрыть игру Сигизмунда в Москве, и Москва восстала бы против поляков и уничтожила все плоды трудов Жолкевского, и Жолкевский молчал. Он различал польское дело отличного Сигизмундова, сочувствовал первому, честно работал для польских интересов, вовсе не желая трудиться и работать для Сигизмунда. Вот почему увидав, что Сигизмунд не оставит своих притязаний, он отказался от продолжения дела и уехал из Москвы.

Притязания Сигизмунда действительно завязали новую драму и стали известны в Москве. Уже вскоре по отъезде Жолкевского великое посольство писало (с дороги к Смоленску) в Москву, что многие русские люди под Смоленском целуют крест не Владиславу, а самому Сигизмунду. Великому посольству первому и пришлось считаться с затеями короля.

По приезде посольства к королю под Смоленск там начались переговоры по поводу избрания Владислава. Договор, заключенный под Москвой, не нравился, конечно, Сигизмунду, не нравился и сенаторам польским. В совете короля было решено не отпускать королевича в Москву по причине его малолетства, а московские послы требовали немедленного приезда Владислава, говоря, что это необходимо для успокоения Московского государства. В ответ на это поляки заявили им, что Сигизмунд сам успокоит Москву и потом уже даст москвичам своего сына, но для этого надо, чтобы Смоленск сдался на имя короля, иначе сказать, стал польской крепостью. Кроме того, поляки не хотели, чтобы королевич принимал православие. Такие требования не могли удовлетворить московских послов: Москва не желала иметь короля-католика и отдаться во власть Сигизмунда. Время шло в бесполезных пререканиях; напрасно послы заявили, что король нарушает своими требованиями договор, заключенный Жолкевским; сенаторы

объявили им, что этот договор не обязателен для Польши. Однако послы держались договора и не уступали ничего. Тогда Сигизмунд увидел, что ему не осуществить своих желаний законным путем и стал действовать иначе: в посольстве старались произвести раскол, стали разными способами склонять его второстепенных участников признать желание Сигизмунда и отпускали таких передававшихся лиц в Москву, чтобы они приготовили москвичей к принятию условий Сигизмунда. Король, таким образом, повел свое дело мимо посольства. В числе лиц, принявших его милости, находился и троицкий келарь (управитель) Авраамий Палицын, который, получив от короля подачки, уехал в Москву. Его защитники говорят, что признал он Сигизмунда для того, чтобы освободиться из-под Смоленка и на свободе тем лучше служить родине. Но можно ли оправдывать такой иезуитский патриотизм рядом с патриотизмом главных лиц посольства (например, дьяка Томилы Луговского), которые честно исполняли порученное им дело посольства, не бежали от него, а терпели горькие неприятности?

Но и раньше приезда соблазненных Сигизмундом участников посольства в Москве стали известны планы короля. Как только совершился выбор Владислава, и Москва была занята поляками, в ней стали появляться преданные Сигизмунду люди (в числе их оказываются Салтыковы). Они проводили в московском обществе мысль о подчинении Сигизмунду, а Сигизмунд требовал от бояр их награждения за верную службу. Бояре награждали их, сами били челом Сигизмунду о жаловании и «деревнишках», видя возможность от него поживиться, хотя сами и косились на тех неродовитых людей, которых присылал в Москву Сигизмунд и которые распоряжались в Москве именем короля (напр., Федор Андронов). Все эти вмешательства Сигизмунда в московские дела имели бы смысл, если бы производились от имени царя московского Владислава, но Сигизмунд действовал за себя: от своего лица писал он такие грамоты и делал такие распоряжения, какие писать и давать могли только московские государи. Допуская это, боярство признало, таким образом, то, чего не хотело признать посольство под Смоленском. Явилась даже мысль призвать короля в Москву и, как говорят, прямо присягнуть ему. Но против этого восстал патриарх Гермоген, единственный из московских начальных людей, кого не коснулось растлевающее влияние поляков и смуты. Заботясь об охране православия, он тем самым являлся твердым охранителем и национальности. Неохотно соглашаясь на избрание в цари поляка, он ревниво оберегал Москву от усиления польского влияния и был главной помехой для королевских креатур, которые хотели передать Москву Сигизмунду.

От народа во всем Московском государстве такое положение дел не осталось тайной. Он знал, что королевич не едет в Москву, что Москвой распоряжается Сигизмунд, что в то же время поляки воюют Русь, грабят и бьют русских людей в Смоленской области, – об этом писали в Москву смольняне. Все это не могло нравиться, не могло казаться нормальным и вызывало ропот во всем государстве. Неудовольствие усилилось еще тем, что с отъездом Жолкевского польский гарнизон в Москве потерял дисциплину и держал себя как в завоеванной стране. Народ, и прежде не любивший поляков, теперь не скрывал своих антипатий к ним, отшатнулся от Владислава и стал желать другого царя. Это движение против поляков очень скоро приняло серьезные размеры и обратилось в пользу Вора, который продолжал сидеть в Калуге. Значение его быстро возрастало: Вор снова становился силой. Восточная половина царства стала присягать ему, она присягала

только потому, что не могла опереться на лучшего кандидата. Полякам и Сигизмунду создавалось таким образом новое затруднение в народном движении, затруднение, которое не только не уменьшилось, а, напротив, увеличилось со смертью Вора. В то время, когда дела Вора улучшились, он был убит (в декабре 1610 г.) одним из своих же приверженцев из-за личных счетов. Русские люди присягали мертвецу.

Первое земское ополчение.

Со смертью Вора русские люди получили возможность соединиться для отпора полякам, и с этих пор смута в дальнейшем своем развитии получает преимущественно характер национальной борьбы, в которой русские стремятся освободиться от польского гнета, ими же в значительной степени допущенного.

Прежде чем перейти к обзору движения Ляпунова и движения нижегородского, составляющих содержание дальнейшего изложения, бросим общий взгляд на положение Московского государства в минуту смерти Вора. По всей стране бродят казаки, везде грабят и жгут, опустошают и убивают. Это казаки, или вышедшие из Тушина после его разорения, или действовавшие самостоятельными маленькими шайками безо всякого отношения к тушинцам, ради одного грабежа. Северо-западная часть государства находится в руках шведов. Их войско после Клушина отступило на север и с того времени, как Москва признала Владислава, открыло враждебные действия против русских, стало забирать города, ибо Москва, соединяясь с Польшей, тем самым делалась врагом Швеции. Но и Польша не прекращала военных действий против Руси. Поляки осаждали Смоленск и разоряли юго-западные области. Сама Москва занята польским гарнизоном, вся московская администрация – под польским влиянием. Король враждебного государства, Сигизмунд, из-под Смоленска распоряжается Русью своим именем, как государь, без всякого права держит в то же время, как бы в плену, великое московское посольство, притесняет его и не соглашается с самыми существенными, на московский взгляд, условиями договора Москвы с Владиславом. Таково было положение дел.

Одно только существование Вора сдерживало негодование «лучших» русских людей против поляков. Вор и тот общественный порядок или, вернее, беспорядок, который он воплощал собой, страшил их более, нежели возмущали поляки: сопротивляться же и тому, и другому врагу вместе не было сил. Однако во многих частях Русской земли, в тех, откуда Вор был дальше и где его знали меньше, стали передаваться ему, не ожидая добра от поляков. Но Вор умер, и ожили московские люди: одним врагом стало меньше. Шайка Вора без предводителя становилась простыми разбойниками и теряла политическую силу. В качестве политических врагов оставались только поляки, и против них теперь можно было соединиться без боязни, что в тылу останется худший враг. Движение против поляков стало проявляться яснее, определеннее, сильнее. Во главе его стоял «начальный человек Московского государства» – патриарх.

Патриарх действовал в этом случае как пастырь церкви. Он прекрасно видел, что влияние католической Польши на православную Москву не ограничится сферой государственной, но непременно перейдет и в церковную. В Москве знали

унию 1596 г., понимали значение и самой унии, и того, что ей предшествовало в Польско-Литовском государстве. С трудом допустив выбор на царство католика (с неизменным условием принятия им православия), видя затем, как ведет себя Сигизмунд, и в будущем ожидая постоянных злоупотреблений со стороны поляков относительно Москвы, патриарх Гермоген, как православный иерарх, не мог допускать дальнейшего господства поляков в видах охранения чистоты православной веры. С этой точки зрения он и действовал против Сигизмунда.

Верные слуги Сигизмунда, Салтыков и Андронов, доносили королю, что после смерти Вора патриарх «явно» говорил и писал народу против поляков, что если поляки не отпустят королевича в Московское государство и королевич не крестится в православие, то он русским не государь. Москвичи разделяли мнение патриарха и готовы были стать против поляков. И патриарх, и светские люди писали об этом грамоты в города; москвичи рассылали повсюду грамоты, полученные ими от смольнян о бедствиях смоленского края от поляков. Все эти грамоты возбуждали землю против польских и литовских людей, против «Жигимонта короля». Города заволновались и стали переписываться между собой «о совете и единении против поляков». Нижегородцы (в январе 1611 г.) присылали в Москву проведать, что там делается. Посланные видели, как хозяйничают в Москве поляки, были у патриарха, и патриарх благословил их на восстание против врагов. Нижегородцы писали об этом по другим городам, и восстание против поляков поднималось повсюду: восставали, надо заметить, не против Владислава, а против Сигизмунда и поляков, нарушавших московский договор о Владиславе. Страна вся была в возбуждении, была готова действовать и смотрела на Гермогена как на своего нравственного вождя.

Но, руководя народным движением, патриарх не указал народу ратного предводителя, который мог бы стать во главе восставших. Такой предводитель явился сам в Рязанской земле. Это был известный нам Прокопий Ляпунов. Он признавал Владислава до смерти Вора, но уже в январе 1611 г. стал собирать войска на поляков и двинулся с ними на Москву. Туда же к Ляпунову шли земские дружины со всех концов государства (из земли Рязанской, Северской, Муромской, Суздальской, из северных областей, из Поволжских низовых). Сила национального движения была так велика, что захватила и Тушинское казачество. Оно также двигалось к Москве под начальством тушинских бояр, князя Дм. Тим. Трубецкого и (донского атамана) Заруцкого. С севера шли казачьи шайки с Просовецким, и даже знаменитый Сапега, осаждавший когда-то Лавру, теперь соглашался сражаться за Русь и православие против поляков, но потом раздумал.

Когда такое разнохарактерное ополчение приближалось к Москве, она переживала трудные дни. Бояре и поляки смотрели на движение в земле как на незаконный мятеж; народ видел в нем святое дело и с нетерпением ожидал освободителей. Отношения между поляками и московским населением давно уже обострились; теперь же дело дошло до того, что со дня на день ожидали вооруженного столкновения. Предполагали, что в Вербное воскресенье (17 марта 1611 г.) произойдет бой на улицах, и поляки приготовились к обороне; но дело обошлось мирно. Тем не менее Салтыков предсказывал полякам, что во вторник, т. е. 19 марта, их будут бить. К этому дню ожидалось под Москву первые земские дружины. И действительно, во вторник 19 марта, в Москве, в Китай-городе, начался бой. Из Китай-города поляки бросились к слободам, но в Белом городе

были задержаны народом. На помощь москвичам подоспели передовые отряды земского ополчения с князем Дм. Мих. Пожарским (который здесь и был ранен), и поляки были отброшены назад, заперлись в Кремле и Китай-городе и постарались сжечь Москву и Замоскворечье (для удобств дальнейшей обороны). Москва сгорела почти вся. Несколько дней еще продолжались вылазки поляков и стычки их с народом. Наконец, на второй день Пасхи, в благовещенье, подошла к Москве стотысячная русская Рать и к апрелю обложила Кремль и Китай-город. Поляки засели в осаду, а вместе с ними и московское боярство, служившее Сигизмунду и смотревшее на ополчение всей земли как на мятежное скопище. Припасов у осажденных было мало, гарнизон польский был невелик, всего около 3000 человек. Положение гарнизона, таким образом, было очень серьезно, но Сигизмунд не думал помочь Москве его сил не хватило и на взятие Смоленска.

Обратимся теперь к тому ополчению, которое собралось под Москвой; познакомимся с его историей. Это ополчение по справедливости можно назвать политическим союзом социальных врагов: в нем соединилась земщина с казачеством, общество – с врагом общественного порядка. А priori можно было предвидеть, что в этом ополчении должна проявиться рознь, должно произойти междоусобие. Можно, пожалуй, предсказать даже его гибель и разложение, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводов для столкновения двух миров – земского и казачьего. Ополчение действительно и погибло.

Тотчас по приходе его под Москву оно выбирает себе военачальниками Пр. Ляпунова, князя Трубецкого и Заруцкого. Так пишут летописцы, но они же говорят, что между этими воеводами, как и во всем ополчении, стала «рознь великая». Ляпунов, представитель служащего земского элемента в ополчении, старался дать преобладание своим. Заруцкий мирволил казачеству, а Трубецкому от них двоих было «мало чести»: он не пользовался влиянием. Тем не менее эти военачальники правили не только ополчением, но и землей. Возле запертых в Кремле бояр создавалось волей земщины другое правительство: бояре же, которым год тому назад присягала земля, потеряли всякое значение. Военачальники делали распоряжение о сборе денег и ратных людей по областям, сменяли воевод в городах, заботились о защите Новгорода от шведов, раздавали поместья, – словом, были не только военной, но и земской властью, играли роль правительства. Этот знаменательный факт показывает нам, каким большим кредитом пользовалось в стране ополчение: ему верила и его слушалась страна.

Но еще знаменательнее то обстоятельство, что воеводы, управлявшие землей и ратью, не были бесконтрольны и зависели в своей деятельности от общего совета рати. Хотя мы не знаем достоверно внутреннего устройства ополчения, но имеем полное основание думать, что, во-первых, подмосковная рать считала себя выразительницей воли «всей земли» и себя ставила выше воевод в отношении власти; во-вторых, ополчение имело свою думу, свой совет. Этот совет называл свои постановления «приговорами всей земли» и, стало быть, считал себя тем, что мы называем земским собором. От этого ратного совета сохранился до нас один из таких «приговоров всей земли». На него как-то мало обращалось внимания нашими историками, и только профессор Коялович в своих трудах дал ему обстоятельную, хотя, может быть, и не всегда верную оценку. Напечатан этот приговор у Карамзина (Ист., т. XII, прил. 793 и 794), и то не полно (впрочем, Карамзин сам

имел не полный и поздний список этого приговора и напечатал все, что имел; карамзинский текст перепечатал Забелин). Между тем этот приговор вскрывает нам любопытнейшие черты из истории первого ополчения.

В июне 1611 г. ополчение обратилось к своим вождям, прося общим советом подумать о прекращении беспорядков и злоупотреблений, какие совершались в войске. Об этих беспорядках летописец роняет лишь несколько слов: он говорит, что в войске одни попрекали других прошлой службой тушинскому Вору или ополяченной Москве, людей ратных «жаловали не по достоянию», а «лицеприятно», не знали, наконец, что делать и как обращаться с теми холопами, которые убежали от своих господ и теперь служили в войске казаками, уже как вольные люди. Сначала этих беглых людей воеводы ополчения призывали под свои знамена, обещая считать их вольными казаками. Но служилый элемент в ополчении не мог относиться сочувственно к такой мере: она создавала очень неприятный для служилого люда порядок в будущем, им могли воспользоваться и другие холопы и убегать от господ в надежде потом вернуться на Русь свободными. Поэтому положение беглых в ополчении составляло очень важный вопрос.

И вот, по просьбе ополчения, Ляпунов и другие воеводы согласились созвать собор всей рати, чтобы обдумать и решить все заботившие последнюю вопросы. 29 и 30 июня 1611 г. сошлись на соборе выборные от войска: от всяких чинов служилые люди «всех городов» и представители казачества – атаманы и казаки (от этого собора и дошел до нас упомянутый приговор). Оба элемента (и служилый, и казачий) приняли, таким образом, участие в обсуждении Дел и составлении приговора. Дальше будет видно, какой элемент взял верх в этом приговоре.

Приговор 30 июня очень обширен и касается не только войска, но и всего государства: очевидно, выборные из войска считали себя вправе решать общеземские дела. Прежде всего они «приговорили и выбрали всей землей» или, лучше сказать, утвердили раньше уже выбранных троих начальников – Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого – и определили границы их власти: «воеводы должны были строить землю и всяким, и ратным делом промышлять» т. е. управлять не только войском, но и государством. В то же время они не могли «смертной казнью без земского и всей земли приговора... не по вине... казнити и ссылати», казнить же действительно виновных они должны были, «поговоря со всею землею». А кто кого убьет без земского приговора, и того самого казнити смертию, прибавляет приговор 30 июня. Таким образом, высшая власть, по приговору, принадлежит «всей земле», иначе говоря, войсковому совету, который, по представлению войска, олицетворял собой «всю землю»; воеводы же – только исполнительные органы земли. Их земля может сменить, когда найдет это нужным. Если главные или второстепенные воеводы дурно будут вести дела или не станут слушать земского приговора, то вместо них земля может выбирать других, таких, «кто будет бою и земскому делу пригодиться». Так были решены приговором 30 июня основные вопросы: управление рати и земли.

Вторая группа постановлений войскового собора касается устройства в войске приказов, которые ведали бы управление, вместо московских приказов, осадой осужденных бездействовать, да и не признаваемых более за власть со стороны земли. (Решено было учредить приказы: Большой Разряд и Поместный, которые ведали бы службу и средства содержания служилых людей – поместья;

затем Большой Приход, который должен был ведать финансы; приказы Разбойный и Земский, ведавшие уголовные дела и имевшие судебный характер.)

Третья группа постановлений собора касается поместий. Смута внесла беспорядок в поместные дела: одни незаконно захватили себе лишние земли, а у других была отнята и последняя земля; нужно было распутать происшедшую путаницу и водворить порядок. В этих видах решили отобрать: 1) все те поместные земли, владельцы которых не служили в войске, и 2) все те лишние земли, какие окажутся у помещиков сверх их нормального поместного оклада, хотя бы владельцы и находились на службе. Отобранные земли решено было отдать в поместья неимущим и разоренным служилым людям, служащим в войске. Но не все земли, с каких не было службы, решили отобрать; оставлены были поместья: 1) у жен и детей тех дворян, которые были в великом посольстве и которых вместе с главными послами задержал Сигизмунд; 2) у вдов и детей дворян, убитых на службе; 3) у тех дворян, которым поместья, хотя бы и лишние, сверх оклада даны М. В. Скопиным-Шуйским за поход от Новгорода к Москве. (Чем, кроме уважения к памяти Скопина, можно объяснить это любопытное постановление?) Далее позволено было и казакам получать поместья и входить таким путем в ряды служилых людей. Это позволение можно рассматривать как единственную уступку приговора казачеству. В остальном же приговор, как сейчас увидим, направлен против него.

Последнюю группу постановлений составляют постановления о казаках и о тех, кто к ним тянул, т. е. о беглых. Во избежание грабежей, приговорили воротить под Москву в войско всех казаков, разосланных на службу и ушедших в города; впредь за припасами для войска не посылать одних казаков, а с ними командировать служилых людей. Этим стеснялась казачья вольность, над казаками учреждался контроль, отнималась у них возможность поживиться грабежом где-нибудь в стороне от войска. Еще больший удар наносился казачеству тем, что постановили беглых крестьян и холопей, до сих пор считавшихся казаками, возвращать их прежним господам и обращать в прежнее состояние.

Ряд последних постановлений о казачестве, как и весь склад приговора, стремившегося восстановить общественный порядок в его старых формах, показывает нам очень определенно, что на соборе 3 июня служилые люди решительно преобладали над вольными казаками, – элемент общественный взял верх над элементом противообщественным. Хотя под приговором рядом с подписями служилых представителей 25 городов находятся утвердившие приговор и казачьи рукоприкладства, тем не менее казачество много терпело от его постановлений. Хозяевами дел и в лагере подмосковном и во всей стране становились служилые люди, люди исстари установленного общественного порядка и во главе их, конечно, «всего московского воинства властитель» Прокопий Ляпунов. Недаром ошибся летописец, когда, рассказывая об этом приговоре, он написал, что Ляпунов «приказал» его составить; своей ошибкой он точно отметил степень власти Ляпунова, созданную приговором 30 июня.

Второе земское ополчение и его торжество.

Познакомясь сданными о первом подмосковном ополчении, мы можем теперь

сказать, что, сойдясь под Москву, земские и казачьи дружины не могли ужиться мирно между собой по разности стремлений и вкусов. Постоянная их разнь привела к необходимости уяснить точнее их взаимные отношения, и уяснились они в пользу служилых людей. Но преобладание служилых людей было недолго и непрочное. Приговор, давший перевес служилым людям и Ляпунову, был «не люб» казакам и их вождям Заруцкому и Трубецкому, «и с той поры начали над Прокофьем думати, как бы его убить», говорит летописец, и, действительно, через месяц Ляпунов был убит. Его смерть стоит в прямой связи с тем положением дел, какое настало в подмосковной рати после приговора 30 июня; казаки и холопы не могли помириться с этим приговором, и Ляпунов пал от руки их, как представитель служилых людей, правивший делами и доставивший преобладание своим. В убийстве Ляпунова замешаны и поляки, осажденные в Москве; они желали и смут в лагере осаждавших, и смерти талантливого воеводы и достигли того и другого интригой. Но и без их подстрекательства «старые заводчики всякому злу, атаманы и казаки, холопы боярские» (так называет убийц Ляпунова князь Д. М. Пожарский) не остановились бы перед убийством: в нем они видели средство поправить свое положение под Москвой, увеличить свое влияние, взять верх над служилыми людьми. И они достигли своего; потеряв предводителя, служилые люди утратили и силу. Не нашлось человека, который мог бы заменить Ляпунова; делами стали заправлять казачьи вожди, казачество подняло голову, и теснимое им дворянство стало брести «розно», разъезжаться по домам. Ополчение разлагалось, и государственный порядок потерпел в нем новое поражение. Но казачьи остатки первого ополчения продолжали стоять под Москвой, и в 1611, и в 1612 г. Сигизмунд не шел на помощь московскому гарнизону, а своими силами московский гарнизон не мог прогнать осаждавших. Осада Москвы таким образом продолжалась, но смерть Ляпунова была большим горем для русских людей, они теряли веру в успех ополчения. В то же приблизительно время совершались одно за другим такие события, которые способны были отнять у русских всякую надежду на лучшее будущее родины.

Сигизмунд перестал стесняться с великим посольством. Сожжение Москвы подало ему надежду, что послы будут уступчивее. Но они стояли на том, что король не должен отступать от договора, заключенного Жолкевским, и должен снять осаду Смоленска; в таком только случае Владислав может стать московским царем. Видя, что дальнейшие переговоры будут бесплодны, король прибегнул к насилию: московские послы были ограблены и пленниками отвезены в Польшу (в апреле 1611 г.).

3 июня 1611 г. удалось королю, наконец, взять Смоленск приступом. В городе было в начале осады, как говорят, до 80000 жителей, большие запасы и прекрасные укрепления. Когда Смоленск был взят, в нем не осталось и 8000 человек, они терпели голод и болезни и не могли отбить врага, потому что укрепления были разбиты и разрушены. Воевода смоленский Шеин, один из самых светлых русских деятелей того времени, подвергся пытке: хотели узнать, для чего он не сдавал города и какими средствами мог так долго держаться.

16 июля шведы обманом взяли Новгород; митрополит Исидор и воевода князь Одоевский во главе новгородцев заключили со шведами договор, по которому Новгород представлялся особым государством, выбирал себе в цари одного из сыновей шведского короля и, сохраняя свое государственное устройство, навсегда

соединял себя с шведской династией, если бы даже Московское государство и выбрало себе другого царя не из шведского дома. Такой договор, очевидно, был продиктован победителями-шведами: в нем даже не было требований, чтобы новгородский государь был православным.

Во Пскове в то же время появился самозванец Сидорка, которого зовут иногда третьим Лжедмитрием. Еще при Шуйском начались во Пскове внутренние усобицы, борьба «лучших» и «меньших» людей, высших и низших классов. Эта борьба как-то совсем оторвала Псков от государства и создала в нем свою особую историю смуты. Неурядицы внутренние дали возможность полякам и казачеству разорять безнаказанно псковскую землю и дали в ней силу третьему самозванцу.

Итак, во второй половине 1611 г., со взятием Смоленска и Новгорода, с усилением самозванщины во Пскове, вся западная часть Московского государства попала в руки его врагов. Сама Москва оставалась в их власти, а ополчение, собранное для ее освобождения, распадалось, побежденное не врагами, а внутренней рознью. Земская власть, создавшаяся в этом ополчении и сильная по своему существу лишь настолько, насколько ей верила земля, теперь, со смертью Ляпунова, теряла для земли всякое значение. Русские люди оставались без руководителей против сильных торжествовавших врагов государства и общества. Время настало настолько критическое, что, казалось, Русское государство переживало последние дни.

Опаснее всех других был и, конечно, поляки, но они же своей оплошностью и помогли оправиться русским людям. После взятия Смоленска король Сигизмунд отправился в Польшу на сейм торжествовать свои победы вместо того, чтобы идти на помощь польскому гарнизону в Москве. К Москве он послал только слабый отряд конницы с гетманом Ходкевичем. В октябре 1611 г. Ходкевич был отбит подмосковными казаками и ушел от Москвы. Если не считать этой незначительной рекогносцировки под Москву, то можно сказать, что внешние враги Московского государства, нанеся ему взятием Смоленска и Новгорода сильнейшие удары, затем совершенно бездействовали, отчего и потеряли все плоды победы.

Русские же еще не считали себя побежденными, а свое дело потерянным. В восточной части государства под влиянием известий о повсеместных неудачах и общих страданиях снова усилилось движение, оживились сношения городов. Из города в город сообщали известия о событиях, пересылали грамоты, полученные из Москвы или из других мест, из города в город писали (напр., Казань писала в Пермь) о том, как следует держаться и поступать русским людям в их тяжелом положении. В этих посланиях заключались целые политические программы. Все поволжские города, горные и луговые, согласились в том, чтобы им «быть в совете и единении», охранять общественный порядок, не допускать грабежей, не заводить усобиц, не принимать новой администрации, кто бы ее ни назначал, а сохранять свою старую, которой они верят, с казаками не знаться и не заводить сношений. Можно без конца удивляться той энергии, которую проявляют эти мелкие поместные миры, предоставленные своим силам, той цепкости, с какой они держатся друг за друга, и той самостоятельности, какой отличаются многие из этих мирков. Весь север и северо-восток Руси находились тогда в состоянии какого-то духовного напряжения и просветления, какое является в массах в моменты великих исторических кризисов. С необыкновенной ясностью и простотой во всех грамотах сказывается одна мысль, долго не дававшаяся земщине, а теперь ставшая

достоянием всех и каждого: за веру, родину и общественный порядок необходимо бороться всем и бороться не с одной «Литвой», но и со всеми теми, кто не сознает этой необходимости, – с казачеством. Оседлая земщина теперь отделяла от себя казаков и окончательно сознала, что и они – ее враг, а не помощник; сознала после смерти Пр. Ляпунова, когда увидела, что казаки убийством расстроили общее земское дело, враждовали с землей, несмотря на то, что служили одному делу. Понимая теперь весь ужас своего положения, стараясь опознаться в своих бедах и сообразить, что делать и как делать, русские люди начинают с того, что ищут общего «совета» и «соединения» и общим советом, по примеру Нижнего Новгорода, постановляют первое единодушное решение – налагают на всю землю пост, чтобы очистить себя от прошлых грехов.

То, что массы чувствовали и высказывали просто, развивалось лучшими людьми того времени с большей полнотой мысли и с большей определенностью чувства. Эти люди глубоко влияли на массу, направляли ее на общее дело, помогали ее соединению. Во главе таких людей должен быть поставлен патриарх Гермоген, человек с чрезвычайной нравственной силой, как личность, и с громадным политическим влиянием, как деятель. Он раньше всех и яснее всех сознал (мы уже видели, с какой точки зрения), что иноземный, и более всего польский, царь невозможен в Москве. Поэтому он был в постоянной вражде с боярами, державшимися Сигизмунда и называвшими себя его «государственными верными подданными». Поэтому же он и не стеснялся благословлять народ на восстание против поляков. Теперь, сидя уже в заключении, он успевал тем не менее рассылать грамоты по всей земле, направленные против тех же поляков и против казаков. В августе 1611 г., когда он услышал, что подмосковное казачье ополчение думает присягнуть Воренку (сыну тушинского Вора и Марины Мнишек), он наспех отправил в Нижний грамоту, прося, чтобы казанский митрополит и земские люди отговорили казаков от этого проклятого дела. Эта грамота, резко направленная против казаков, должна была возбудить против них города еще более, чем они до того были возбуждены. Нижний этой грамотой патриарха был поставлен в центр движения против казаков; раньше других городов узнал он об их дальнейшем, после Ляпунова, «воровстве под Москвой», раньше понял, в каком трудном положении находится Москва и от поляков, и от казаков; не мудрено, что он раньше всех городов поднялся и на освобождение Москвы. Забелин первый указал на то, что Нижний ближе других городов был к патриарху, что если объяснить движение Нижнего и прочих городов на освобождение Москвы влиянием из центра государства, то это движение нужно приписать именно Гермогенову посланию в Нижний, а не тем патриотическим грамотам, которые рассылались из Троицкого монастыря («Минин и Пожарский», 1883 г.). До исследования Забелина говорили и писали со слов «Сказания» Авр. Палицына, что второе освободительное движение городов началось в Нижнем благодаря грамотам Троице-Сергиевских властей. Забелин же указал, что та Троицкая грамота, которой можно было приписывать такое влияние, пришла в Нижний уже тогда, когда движение там началось, и, стало быть, создать этого движения не могла.

Но, отнимая у Троицкого монастыря честь этого влияния, почтенный историк наш склонен и вовсе отрицать высокое значение монастыря в то время, указывая на его связи с подмосковными казаками и некоторую подчиненность монастыря этим казакам. Сношения с казачьим войском и властями достаточно объясняются и даже

оправдываются тем, что монастырь был очень близок к Москве и фактически не мог уклониться от этих сношений: под Москвой у казаков были единственные в том краю гражданские власти, без которых монастырь не мог обойтись. В то же время во главе монастырской братии стояла замечательная личность – архимандрит Дионисий, человек добродушного и открытого нрава, очень умный, высоко религиозный и очень нравственный, любимец Гермогена. Он умел так направлять деятельность монастыря, что она получила высокое и плодотворное значение. Пользуясь громадными средствами монастыря (он имел в XVII в., около 1620 г., до 1000 сел и деревень и был едва ли не самым крупным земельным собственником в государстве), архимандрит Дионисий употреблял монастырские доходы на дело благотворения, тысячами призревая обнищавших, больных и раненых людей, пострадавших в смуте. В то же время монастырь время от времени рассылал в города свои грамоты, призывавшие землю соединиться против поляков. Пускай в этих грамотах казаки представлены защитниками веры и порядка и рекомендуется земщине союз с казачеством, – все-таки деятельность Троицкого монастыря остается нравственной и патриотической деятельностью, и руководитель монастыря Дионисий должен быть поставлен в ряду лучших деятелей той эпохи, тех деятелей, которых Забелин своеобразно называет «прямыми людьми».

Такие люди, как Гермоген и Дионисий, стояли в центре и руководили настроением всей земли. В городах были свои вожаки, люди, более других воодушевленные, яснее и дальше других смотревшие. Много можно насчитать в то время таких деятелей, которые руководили местными мирами, поддерживали сношения между городами и влияли патриотически на своих сограждан. Одному из таких местных деятелей – Минину – суждена была главная роль и в общеземском движении; другому местному предводителю, князю Дмитрию Пожарскому, пришлось стать затем всей земли воеводой.

О личности Пожарского и Минина много писали и спорили. О Пожарском Н. И. Костомаров думает, что это была весьма честная посредственность, которой выпало на долю сделать много потому, что другие умело направляли этого человека. Споря против такого взгляда, Забелин следит за действиями Пожарского с 1608 г., отмечает постоянную успешность его военных действий, находит в нем достаточно личной самостоятельности и инициативы и приходит к заключению, что Пожарский был талантливый воевода, высоко честный и самостоятельно думавший гражданин. В древнерусском обществе было вообще мало простора личности; личность мало высказывалась и мало оставляла после себя следов; Пожарский оставил их даже менее, чем другие современные ему деятели, но за всем тем в Пожарском не может не остановить нашего внимания одна черта – определенное сознательное отношение к совершившимся событиям чрезвычайного характера. Он никогда не теряет и постоянно знает, что должно делать; при смене властей в Москве он служит им, насколько они законны, а не переметывается, не поддается «ворам», у него есть определенные взгляды, своя политическая философия, которая дает ему возможность точно и твердо определять свое отношение к тому или другому факту и оберегает его от авантюризма и «шатости»; у него свой «царь в голове». Пожарского нельзя направить чужой мыслью и волей в ту или другую сторону. Несмотря на то, что Пожарский был не очень родовит и невысок чином, его личность и военные способности доставили ему почетную известность и раньше 1612 г. Современники ценили его высоко, он был популярен

– иначе не выбрали бы его нижегородцы своим воеводой, имея двух воевод в самом Нижнем Новгороде.

О Пожарском не было бы разных мнений, если бы, к его невыгоде, ему не пришлось действовать рядом с Мининым, человеком еще более крупным и ярким. По нашему мнению, Кузьма Минин гениальный человек; с большим самостоятельным умом он соединял способность глубоко чувствовать, проникаться идеей до забвения себя и вместе с тем оставаться практическим человеком, умеющим начать дело, организовать его, воодушевить им толпу. Его главная заслуга в том, что он сумел дать всеми владевшей идее конкретную жизнь; каждый в то время думал, что надо спасать веру и царство, а Минин первый указал, как надо спасать, и указал не только своими воззваниями в Нижнем, но и всей своей деятельностью, давшей обширному делу организацию покрепче, чем дал ему перед тем Ляпунов. На это надобен был исключительный ум, исключительная натура.

Минин не был простым мужиком нижегородским. Он торговал и был одним из видных людей в городе. Нижегородцы избрали его в число земских старост, стало быть, ему верили. Управляя делами нижегородской податной общины, он должен был привыкнуть вести большое хозяйство города и обращаться с большими деньгами, какие собирались с мира земскими старостами в уплату податей. Мимо него, как излюбленного человека, представителя нижегородских людей, не проходила неизвестной ни одна грамота, адресованная нижегородцами, ни одна политическая новость. Он следил за положением дел и обсуждал дела в городских сходках, которые вошли в обычай в городах, благодаря обстоятельствам смутного времени, напоминали собой древние вече.

На одном из таких собраний (в октябре или сентябре 1611 г.), под влиянием грамот и вестей от патриарха, Минин поднял посадских тяглых людей на то, чтобы собрать деньги для ополчения и сформировать самое ополчение. Составили приговор о мирском сборе и предъявили его нижегородскому воеводе, князю Звенигородскому, и соборному протопопу Савве, которые созвали в городской собор нижегородцев и, воспользовавшись пришедшей тогда в Нижний патриотической грамотой, подняли вопрос об ополчении. В соборе читали и обсуждали нижегородцы пришедшую грамоту. В ней говорилось о необходимости стать на защиту веры и отечества. (Для дела безразлично, от Гермогена или от Троицы была эта последняя грамота.) При чтении грамоты нижегородский протопоп Савва сказал слово, убеждая народ стать за веру. После Саввы заговорил Минин; страстно говорил он о том же, указывая, каким образом нужно действовать: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником». Слова Минина произвели большое впечатление. С каждым днем росло его влияние, нижегородцы увлекались предложениями Минина и, наконец, всем городом решили образовать ополчение, созывать служилых людей и собирать на них деньги.

Раньше всего занялись денежным вопросом. Стали собирать добровольные приношения, потому что иных средств не было. Давали нижегородцы много: «третью деньгу», т. е. третью часть имущества; так давать порешил мир, и кто давал меньше, утаивая размеры имущества, с того брали силой. Были люди, жертвовавшие почти все, что имели. На первые нужды денег оказалось довольно.

Второй заботой было сыскать воеводу. По предложению Минина, избрали Пожарского; кн. Дм. Мих. Пожарский жил в то время верстах в 100 от Нижнего, в своей вотчине, и лечился от ран, полученных полгода тому назад под Москвой. К нему-то и обратились нижегородцы, минуя своих воевод, князя Звенигородского и Алябьева.

Когда депутация от Нижнего пришла к князю и изложила ему желание народа избрать его на такой высокий подвиг, Пожарский сперва долго отказывался, затем наконец изъявил свое согласие, но под условием избрания кого-нибудь из посадских людей, который ведал бы в ополчении хозяйственной частью и с ним, Пожарским, «у того великого дела был и казну собирал». При этом он указал на Минина, как на лучшего себе помощника в этом деле. Весть о приготовлениях нижегородцев скоро распространилась в ближайших городах, и первые на эту весть откликнулись бездомные смольяне, вязьмичи и дорогобужцы, те самые дворяне, которые, лишившись поместий в своей области, вследствие завоевания ее поляками, желали получить земли в Арзамасском уезде, но и оттуда были выгнаны мордвой. Все они были приняты в войско. Недостаточность военных сил и денег скоро заставила нижегородцев обратиться с окружной грамотой к другим городам. В этой грамоте была изложена Гермогенова программа действий, основным правилом которой было действовать отдельно от казаков и против казаков. «А вам бы, – писали нижегородцы другим городам, – с нами быти в одном совете и ратным людям на польских и литовских людей идти вместе, чтобы казаки по-прежнему низовой рати своим воровством, грабежи и иными воровскими заводами и Маринкиным сыном не разгонили» (т. е. разогнали). На этот призыв, возвестивший земле начало второго восстания на поляков, откликнулось много городов и первым – Коломна.

Вышеупомянутая грамота предостерегала народ против Марины Мнишек с ее сыном Воренком и против псковского самозванца Сидорки-Дмитрия. Дела их, и особенно дела псковского Вора, неожиданно улучшились: к Вору начало было тянуть все подмосковное казачье ополчение. Видя это, московское боярство, сидя взаперти, обращается с грамотами в Кострому, Ярославль и другие города, увещевая народ отказаться от всех воров и быть верным Владиславу. Лишенные доверия, силы и власти в стране, бояре все еще думали руководить ею во имя того, против кого была вся земля, и не чувствовали, что около них вырастает новая власть, созданная и поддержанная земскими силами, власть еще сильнейшая той, которая создалась в первой рати под Москвой.

Когда ополчение было несколько устроено, оно выступило из Нижнего в марте 1612 г. и двинулось по дороге в Ярославль. Сюда оно пришло в начале апреля и пробыло здесь до августа, т. е. в течение трех месяцев. Эта долгая стоянка вызвала много обвинений на Пожарского (напр., со стороны Палицына), но его можно вполне оправдать тем, что ведь нужно было еще устроить и обеспечить войско, достигнуть нейтралитета со стороны шведов, которые могли угрожать с тылу, и очистить северный край от казачьих шаек, с которыми пришлось много сражаться. Главное же оправдание Пожарского в том, что он не один управлял войском, поэтому и ответственность лежит не на нем одном. В его войске была высшая власть, которой князь повиновался по мотивам чисто нравственным. В его войске был земский собор. Несмотря на довольно ясные признаки этого собора, до последнего времени он не замечался учеными. Дело в том, что вообще организация

управления в войске Пожарского очень темна для нас, по скудности сведений; ясно только одно, что князь с «товарищами» управлял не только ополчением, но и всей землей, как это было и в первом ополчении. Пожарский принимал челобитные, давал тарханные и жалованные грамоты монастырям, делал постройки в городах, давал льготы разоренным, назначал денежные сборы на ратное дело, но все это он делал «по совету всей земли», «по указу всей земли». Всякий, кто сколько-нибудь знаком с древними актами, поймет, что термином «земля» наши предки обозначали не что иное, как земский собор. Стало быть, соборное начало уважалось в войске Пожарского, чего не было в рати Ляпунова и Заруцкого, где воеводы действовали одним своим именем. Но был ли на самом деле собор во втором ополчении? Первый намек на существование земского собора около Поварского мы видим в грамоте от 7 апреля в города: он просит прислать ему выборных «для царского обирания» и для совета о дипломатических и государственных делах. Выборных этого собора мы не знаем и не имеем о нем точных сведений; известно только, что города присылали своих выборных еще тогда, когда ополчение было в Нижнем. Но одно желание Пожарского иметь собор еще не позволяло бы нам делать вывод о действительном существовании этого собора, если бы не сохранились другие данные, сопоставление которых приводит к мысли, что собор действительно был. Летописец говорит, что в войске многие дела решались «всею ратью», даже и дела дипломатические, неудобные для общего обсуждения по необходимости держать их втайне... Ясно, что не вся рать собиралась для обсуждения этих дел, а только представители или рати, или земли. Далее в одной грамоте земского собора 1613 г. выборные пишут, что до их приезда на собор, до начала собора 1613 г. из Москвы были посланы «по совету всей земли» особые лица для отписки в казну «на государя» дворцовых сел, захваченных в смуту разными лицами. Тут мы видим ясный уже намек на один из приговоров собора 1612 г. и можем поэтому заключить, что собор при Пожарском действительно был, хотя не оставил после себя ясных следов. Есть возможность думать, что на этом соборе были представители трех сословий: духовного, служилого и тяглового.

Около 20 августа 1612 г. ополчение из Ярославля двинулось под Москву, и здесь между ополченцами и казаками установились сперва враждебные, потом холодные отношения, как этого и надо было ожидать; ополчение стало особым станом и этим навлекло на себя неприязнь казаков. Польский гарнизон в Кремле и Китай-городе, окруженный со всех сторон и лишенный всякой серьезной помощи, мужественно защищался и дошел до крайней нужды. Но, несмотря на его мужество, Китай-город 22 октября 1612 г. был взят, а затем сдался русским и Кремль. По взятии Москвы Пожарский грамотой от 15 ноября звал по десяти человек от городов для выбора царя.

Делу избрания царя помешал было поход Сигизмунда на Москву. Сигизмунд дошел до Волоколамска; три раза подступал к Волоку, три раза был отброшен и ушел обратно. Вот тогда на первом, так сказать, досуге, по взятии Москвы, русские поспешили с избранием царя. Дело это, как они совершенно верно понимали, было действительно нужно. Они говорили, что им без государя «ни малое время быти не можно; пещися о государстве и людьми Божьими промышлять некому». Но, думая о государе, вовсе и не думали признать им Владислава или кого-нибудь из самозванцев. Действительно, ни Владислав, ни жалкие самозванцы, до подлинности которых не было дела никому даже из их приверженцев, не могли

быть сколько-нибудь серьезными кандидатами в цари: они лишились всякого кредита, как «всей крови заводчики». Царя нужно избрать другого, чтобы его имя могло быть знаменем для всех друзей порядка. И это знамя нужно было водрузить скорее, пока земщина была сильнее поляков и казачества, пока элементы беспорядка не возобладали снова и не выдвинули какого-нибудь нового претендента.